

А вверху дрожало кружево звѣздъ, вспыхивая иногда падающими аэролитами, этими эксцентричностями неба, которыя оно роняло на землю. Тамъ—вверху—онѣ нарушали гармонію уравновѣшенности и сметались, какъ соръ...

Уѣзжая изъ лѣса, я пропустилъ всѣхъ впередъ, отсталъ отъ компаніи, и—когда говоръ и смѣхъ ея постепенно затихъ—свернулъ въ сторону и выѣхалъ опять на широкую просѣку. Меня занималъ ходъ моихъ мыслей. Мнѣ было мучительно жаль темноволосую красавицу, которая, думалось мнѣ, могла-бы быть и другой,—тою-же темноволосой тургеневской Лизой, скромное, бѣлое платье которой, даже съ точки зрѣнія жгучихъ желаній и чаръ, таило въ себѣ болѣе притягательной силы...

Спокойнымъ шагомъ ступала моя лошадь. А я—смотрѣлъ вверхъ, на вѣчную красоту звѣздъ, сплетая съ ними свою мечту и грезу о ж е н щ и н ѣ... Иногда я невольно задерживалъ лошадь и слушалъ тишину бархатистой ночи и жадно дышалъ ея влажными, острыми запахами...

Я думалъ объ утраченномъ с т и л ѣ, объ аристократизмѣ и выразительности ф о р м ѣ, какъ вдругъ рука моя рѣзко затянула поводья лошади...

Что это?

Опять:

— О—ой! О—ой!...

Да, это была опять таже встрѣча. Впереди неясно зарисовался силуэтъ бѣлой лошади. И опять, какъ и утромъ, когда я поравнялся съ ней, она неподвижно застыла на мѣстѣ. Я окликнулъ больного. Онъ не отозвался. Я наклонился съ сѣдла и заговорилъ громче. Молчанье... Я быстро скочилъ съ лошади, зажегъ спичку и поднесъ ее къ лицу неподвижной фигуры. Открытые и неподвижные глаза мертвеца спокойно и холодно смотрѣли вверхъ, вперяясь въ далекія звѣзды. Ротъ его былъ полуоткрытъ, а лѣвая рука—костлявыми пальцами вцѣпилась въ грудь...

Онъ, словно, говорилъ что-то...

Ч т о? и—К о м у?

Холодное крыло ужаса коснулось меня...

Я вскочилъ въ сѣдло и—поднялъ хлыстъ! Лошадь рванулась впередъ... Она уносила меня на крыльяхъ вѣтра...

— О—ой! О—ой!—неслось за мной вслѣдъ...

Тронулся въ путь и мертвецъ...